

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ШИЕНОК,
доктор юридических наук, профессор

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассматривается комплекс вопросов методологического уровня, позволяющих по-новому раскрыть сущность юридической ответственности как главного элемента механизма правового регулирования поведения человека и общества, сутью (главной стратегической целью) которого является восстановление баланса (равновесия), нарушенного в результате неправомерного поведения.

V. P. SHIENOK

HUMANISTIC METHODOLOGY AND ESSENCE OF LEGAL RESPONSIBILITY

Considered a complex of a methodological level questions, concerning to re-open the essence of a legal liability as the main element of the mechanism of legal regulation of human and society behavior. The essence (main strategic goal) of a legal liability is to restore the balance violated as a result of illegal behavior.

Логика дальнейшей научной разработки концепции гуманистической методологии юриспруденции со всей очевидностью требует переноса вектора внимания от философских, общетеоретических проблем юриспруденции к исследованию ее отдельных институтов, иллюстрации и конкретизации концептуальных положений на уровне правовых институтов. В этом плане первоочередное значение приобретает общеправовой институт юридической ответственности, посредством которого реализуется значительная часть правовых норм, обеспечивается принудительное воздействие на поведение человека, выполняет регулятивную функцию права в целом.

Проблемы юридической ответственности постоянно находятся в центре внимания ученых-юристов, о чем свидетельствует анализ научных публикаций второй половины XX — начала XXI в. Большую роль в становлении и теоретической разработке института юридической ответственности в советское время внесли такие ученые, как О. Э. Лейст, М. Д. Шаргородский, М. С. Строгович, В. А. Кучинский, Б. Т. Базылев, С. Н. Братусь, И. С. Самощенко, И. А. Алексеев и многие другие. Среди ученых национальной юридической школы, внесших заметный вклад в исследование проблем юридической ответственности, в первую очередь следует назвать работы А. Ф. Вишневого, В. А. Кучинского, Н. А. Горбатка, Н. А. Слободчикова, А. Я. Волкова, В. И. Павлова и некоторых других исследователей. За прошедшее время в литературе по теории государства и права, отраслевым юридическим дисциплинам можно встретить различные подходы к пониманию сущности и содержания юридической ответственности, отличающиеся особенностями методологии, методики и, соответственно, аргументацией авторами своих выводов и предложений. В рамках одной научной статьи даже фрагментарное вос-

произведение основных позиций по данной проблеме является нереальным как в количественном, так и в качественном отношении. Достаточный для целей настоящей работы материал, раскрывающий состояние теоретической разработанности проблемы в ретроспективном и содержательном выражении, дан в монографии «Теоретические и практические проблемы юридической ответственности», подготовленной коллективом белорусских ученых [1]. Поэтому в своих дальнейших рассуждениях автор будет касаться результатов предыдущих исследований лишь в той мере, в которой это необходимо в каждом конкретном случае.

Результаты теоретического анализа основных опубликованных работ по данной проблеме свидетельствуют о том, что пик активности исследования института юридической ответственности приходится на вторую половину XX в., а именно на 60–80 гг. прошлого столетия. Причины такого положения, по мнению белорусского ученого А. Ф. Вишневого, видятся во взаимосвязи теоретических подходов к сущности юридической ответственности и политического режима советского государства, его правоприменительной политики. Так, в 1930–1950-х гг. понятие юридической ответственности отсутствовало в основных юридических источниках, существовали лишь указания на отраслевые виды ответственности, не более. Юридическая ответственность отождествлялась с карой, наказанием за совершенное правонарушение, санкциями, взысканием ущерба, принуждением к исполнению нарушителем своих обязанностей. После XX съезда КПСС, давшего старт массовой реабилитации жертв репрессий 30–50 гг., изменений в законодательстве и правоприменении, возникла насущная необходимость соответствующего теоретического осмысления поли-

тико-правовых новелл [2, с. 107–119]. Такое положение в принципе неудивительно, поскольку в советское время юридическая наука методологически и организационно была жестко детерминирована соответствующими идеологическими и политическими установками КПСС. Она выполняла обеспечивающую, вспомогательную функцию по отношению к последним. В настоящее время марксистско-ленинская идеология отсутствует на официальном государственно-правовом уровне. Однако фактически национальная юриспруденция во многом продолжает оставаться на прежних мировоззренческих позициях. Одной из главных причин такого положения является отсутствие новой методологии, парадигмы мышления ученых-правоведов и практиков [3, с. 159–164]. Наряду с созданием основ новой методологии юридической науки, которой автор занимается на протяжении последних двух десятилетий, пришло время их конкретизации применительно к ее важнейшим институтам. Можно предположить, что, если проранжировать основные категории юридической науки по критерию их значимости для теории и практики юриспруденции, общества в целом, то третье место после права и государства как таковых займет юридическая ответственность. И это справедливо, поскольку именно она является главным элементом, «приводным ремнем» механизма правового регулирования поведения человека, управления индивидом и социумом.

Несмотря на кажущуюся разноаспектность различных подходов конкретных авторов к определению сущности юридической ответственности [4], применительно к национальной юриспруденции реально можно говорить о двух основных принципиально отличных друг от друга точках зрения. Согласно первой из них, сторонниками которой является подавляющее большинство белорусских ученых, «юридическая ответственность может быть определена как особая (связанная с правонарушением) субъективная обязанность правонарушителя претерпеть предусмотренные законодательством неблагоприятные, карающие его последствия совершенного им противоправного виновного деяния» [5]. Нетрудно заметить, что данная позиция является продолжением традиций советской юриспруденции, понимавшей сущность данного института в наказании (каре) правонарушителя, а в более позднем варианте — в обязанности принять и нести эту кару.

С данным подходом солидаризируются и немногочисленные для Беларуси сторонники антропологической школы права, которые полагают, что суть юридической ответственности заключается в претерпевании правонарушителем наказания, кары за совершенное правонарушение. Однако эти негативные,

карающие последствия рассматриваются ими «...не только в аспекте нарушения закона, но и как факта негативного личностного отношения к правопорядку, обусловленного нравственно упречными личностными юридически значимыми содержаниями...». В этой связи правонарушение понимается в первую очередь как факт «...негативного личностного отношения к правопорядку, обусловленного нравственно упречными, личностными юридически значимыми содержаниями...», выразившийся в итоге в нарушении правопорядка [6, с. 199–200]. На наш взгляд, такая позиция выглядит недостаточно обоснованной и внутренне противоречивой. Следуя этой логике, юридическая ответственность преследует цель наказать человека не только и не столько за факт нарушения нормы права, но и за его аморальные установки и качества личности, негативное отношение к правопорядку и тому подобные явления сугубо внутреннего мира индивида. На методологическом уровне это напоминает средневековый институт святой инквизиции, основным назначением которого была борьба с ересью, то есть иными (негативными) с точки зрения католической церкви личностными установками людей в отношении официальных религиозных, нравственных и иных норм. По нашему глубокому убеждению, в настоящее время так быть не должно. Во-первых, нарушение правовой нормы далеко не всегда свидетельствует о негативных моральных качествах человека. Во-вторых, сама норма права может в большей или меньшей степени противоречить нормам высокой морали. В-третьих, нравственность или безнравственность конкретного поступка всегда зависит от конкретной жизненной ситуации, в которой он совершен, и намерений человека. Такая оценка всегда динамична, диалектически обусловлена средой проявления личности. И наконец, в-четвертых, в стране отсутствует эталонная система нравственности, к следованию которой должны стремиться люди и которой должны строго соответствовать правовые нормы.

Согласно второй точке зрения юридическая ответственность позитивна, по сути, и перспективна во времени. Она понимается как «...вид юридической ответственности, представляющий собой ответную реакцию государства и общества на совершенное социально полезное правомерное деяние (защиту) лица в виде применения различных мер правового поощрения» [7]. Это специфический социальный долг каждого человека — соотносить свое поведение с нормами права и следовать им. В настоящее время данная позиция поддерживается многими правоведами России, но не является доминирующей в Республике Беларусь.

Нетрудно заметить, что «позитивный» подход полностью противоположен традиционному, который рассматривает юридическую ответственность в связи с правонарушением как кару (обязанность претерпеть ее) за его свершение. Вот что пишет о позитивной юридической ответственности белорусский ученый Н. А. Слободчиков. Данный вид социальной ответственности связывается не только с нарушением правовых предписаний, но и с сознательным, добровольным, правильным и точным пониманием и исполнением правовых правил. Правовая ответственность лица проявляется в его глубоком внутреннем убеждении в необходимости строгого выполнения правовых норм, ответственном подходе при реализации своих субъективных прав и исполнении юридических обязанностей. Считается, что в этом случае имеет место позитивная ответственность. Если же субъект поступает противоправно и у него возникает обязанность подвергнуться за эти действия правовым санкциям, имеет место негативная ответственность [8].

По нашему мнению, использование термина «позитивная юридическая ответственность» и соответствующая концепция могут иметь место в правоведении в качестве вспомогательной познавательной категории, направления исследования. В целом этот подход играет скорее контрпродуктивную роль для юридической науки и практики по причине возникновения неизбежного когнитивного диссонанса в сознании человека. Дело в том, что содержание этого термина («позитивная юридическая ответственность»), соединяющего в себе должное и противоправное поведение и, соответственно, меры наказания и поощрения, изначально противоречиво. Образно говоря, это можно сравнить с попыткой смешать в одной емкости масло и воду. Результат такого эксперимента нетрудно предугадать. Момент возникновения концепции «позитивной юридической ответственности» исторически обусловлен этапом демократизации правоприменительной политики советского государства (60-е гг. XX в.) и соответствующим политическим заказом — теоретического обоснования смены политического курса в стране. Данный факт нашел отражение на страницах научной печати [2, с. 108–109].

Для определения сущности, стратегической цели юридической ответственности целесообразно проанализировать ее содержание под углом зрения: во-первых, сущности права как такового, поскольку существование юридической ответственности есть неизбежное следствие существования правовых норм (отметим, что с позиций гуманистической методологии сущность права заключается в регулировании поведения человека, а не

общественных отношений, как это принято утверждать сейчас. Регулирование общественных отношений вторично, производно от регулирования поведения человека); во-вторых, двух универсальных законов природы: 1) закона причинно-следственной связи; 2) закона всеобщего равновесия.

Право и государство — суть комплексные средства регулирования поведения человека. В этом их сущность, главное назначение. Если результаты каких-либо деяний социально вредны (опасны), право запрещает их, а при нарушении правового запрета может наступать юридическая ответственность. Такой подход следует из всеобщего закона причинно-следственных связей, является его выражением. Согласно этому закону у всего в этом мире есть своя причина, каждый поведенческий акт влечет за собой определенные последствия, которые сами могут являться причиной следующих действий и т. д. Это один из универсальных законов бытия живой и неживой природы, имеющий колоссальное гносеологическое значение.

Регулировать поведение человека означает в большей или меньшей степени управлять содержанием его жизни, деяниями, сознанием, эмоциями, состояниями. Для этого используются две основные эмоции (силы, энергии) — страх и искушение [9]. Именно управление ими лежит в основе механизма правового регулирования поведения человека. Ответственность в самом общем значении этого слова означает согласие человека на следование результатам своих действий, их принятие, возложение на себя определенных обязанностей за результаты своего поведения. Психологически, как правило, люди с удовольствием берут на себя обязанность следовать результатам своего поведения, если они доставляют им удовольствие, приносят выгоду, одобряются средой общения. Их реакция обычно противоположна в случаях, когда результаты поведенческих актов грозят неприятностями, лишениями, ограничениями, то есть всем тем, что обычно следует за нарушением соответствующих правовых норм и наступлением юридической ответственности.

Юридическая ответственность, являясь формализованным методом управления поведением человека, основана на эмоции страха. Регулятивные, охранительные и другие нормы права устанавливают границы дозволенного поведения. Выход за их пределы рассматривается как правонарушение, что становится основанием для ее наступления. Но является ли применение наказания, обязанность осудить человека, возложить на него негативные последствия, обречь на страдания сутью, стратегической целью юридической ответственности? Думается, что ответ отрицательный.

Согласно закону всеобщего равновесия все явления в этом мире имеют два полюса, две противоположности, которые в идеале должны уравнивать друг друга. Все в этом мире стремится к балансу, условный центр которого находится посередине этих полюсов. Однако жизненная действительность все время меняется. Изменение — ее самое постоянное свойство. Это суть диалектики. Эмоции, мысли, действия людей, силы природы и многие иные факторы воздействуют на состояние окружающего мира, баланс противоположных начал. Никто не может остановить, «заморозить» эти изменения, течение времени.

Закон всеобщего равновесия лежит в основе единства и разнообразия всего сущего и, соответственно, в основе функционирования права и государства. С этих позиций совершение любого правонарушения, сколь мало-значительным оно ни было, изменяет энергоинформационную среду, жизненную реальность, состояние общества как в материальном, так и в нематериальном плане. Правонарушения совершаются постоянно, это существенный признак человеческого общества. Пожалуй, нет ни одного взрослого активного человека, не являющегося правонарушителем, который хоть раз в своей жизни не преступил бы многочисленные правовые запреты. Важно отметить тот факт, что о существовании многих из них люди зачастую просто не догадываются. Так устроены человеческое общество и система управления им.

Однако общество, как известно, саморегулирующаяся система, которая в соответствии со всеобщим законом равновесия постоянно стремится к сохранению естественного баланса. Если правонарушения (их динамика, состояние) существенно не влияют на состояние правопорядка в стране (регионе), не дестабилизируют общество либо его части, содержание и интенсивность юридической ответственности в целом либо по ее отдельным направлениям, как правило, не меняются. В противном случае проводятся специальные кампании, ужесточается правоприменительная практика, усиливаются репрессивные и иные меры либо происходит обратный процесс, ответственность смягчается. Новейшей истории страны хорошо известны такие акции (борьба с пьянством, борьба с нарушителями трудовой дисциплины, борьба с хулиганством, борьба с туеядством и т. п.). Цель подобных кампаний — изменить состояние людей, их отношение к тому или иному явлению, сместить общественное и индивидуальное сознание, общественные отношения в нужную сторону, то есть изменить существующее положение, баланс жизненной действительности. Эта цель реализуется как на индивидуальном, единичном уровне, то есть применительно к конкретному правонаруше-

нию и его участникам, так и на уровне социальных групп и общества в целом, то есть тотально. В любом случае цель ослабления или ужесточения юридической ответственности заключается в сохранении прежнего положения либо изменении баланса в соответствии с потребностями правящей социальной группы. Кара, наказание, порицание и т. п. представляют собой только следствия. Это способы достижения (проявления) стратегической цели (сути) юридической ответственности, но не сама цель. Если правящая элита исходит из высокоморальных критериев, общественного блага, разумно соотносит внутрigrупповые интересы с интересами всего общества, иных социальных групп, юридическая ответственность и право в целом играют позитивную, созидательную роль, повышают стабильность общества и государства. В противном случае происходит их дестабилизация, нарастание социальной напряженности и противоречий.

Таким образом, принимая юридическую ответственность в качестве главного элемента механизма правового регулирования поведения человека и общества, следует прийти к выводу, что **ее сущностью, главной стратегической целью является восстановление баланса (равновесия), нарушенного в результате неправомерного поведения.**

Противоречивым выглядит в этом плане ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь [10], в п. 1 которой говорится, что «уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом». Ответственность здесь понимается с позиций наказания, порицания, осуждения правонарушителя. Однако в п. 3 этой же статьи сказано, что «уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости», то есть законодатель констатирует необходимость поддержания справедливости в обществе. Как известно, существенной чертой социальной справедливости являются гармония, баланс интересов, прав, обязанностей индивидов, а также различных общественных групп. Возникает закономерный вопрос: а возможно ли восстановление социальной справедливости только за счет применения карательно-обвинительных мер? Думается, что такое маловероятно.

С позиций гуманистической методологии человек является системой, состоящей из материальной и нематериальной частей. Таким же образом рассматривается и общество в целом. Эта позиция, несмотря на ее качественное отличие от нормативизма, косвенно признается сторонниками названной

школы права. К примеру, явления сознания и воли человека, социальных групп и общества в целом не только не ставятся под сомнение, но являются базовыми категориями в нормативизме. Однако сознание и воля (тем более коллективные) — суть нематериальные явления, относящиеся к внутреннему миру человека (общества), его духовной стороне [11, с. 27–39]. Аксиомой является то, что совершение любого правонарушения нарушает как внешний, так и внутренний баланс человека. Например, потерпевший от кражи не только утрачивает свое имущество (материальный уровень), но и испытывает негативные переживания, эмоции (нематериальный уровень). В отношении преступника эта ситуация выглядит иначе — приобретение имущества и позитивные переживания по случаю реализации преступного замысла. Материальный баланс может быть восстановлен (компенсирован) в результате применения мер юридической ответственности. Чаще так бывает в гражданско-правовой сфере, применительно к отдельным группам преступлений (против собственности и др.), хотя и здесь в практическом плане его восстановление выглядит весьма проблематично. Например, при отсутствии у правонарушителя необходимых для компенсации ущерба потерпевшей стороне материальных средств. Восстановление же нематериального баланса, нарушенного правонарушением, представляет собой более сложную проблему методологического уровня для национальной юриспруденции.

Говоря о восстановлении нематериальных последствий правонарушения, следует высказать два принципиальных соображения. Во-первых, понимание цели юридической ответственности как обязанности правонарушителя испытать негативные переживания, карающие его последствия и ее реализация, способны лишь усилить негативный эмоциональный фон, вызванный совершением правонарушения. В этом случае реализуется цель — добавить к страданиям потерпевшего страдания правонарушителя. Получается, если последний не испытывает страданий, юридическая ответственность не достигает своей цели, ведь обязанность правонарушителя — болезненно переживать. Это парадоксально, но это факт. Во-вторых, негативное эмоциональное состояние потерпевшего как следствие совершения правонарушения, строго говоря, нельзя материализовать, выразить в денежном и т. п. исчислении. Речь идет о так называемом моральном ущербе (вреде), возмещение которого предусмотрено действующим законодательством. Такая материализация (выплата компенсации) есть не что иное, как форма анестезии для человека, страдающего от боли. Данные меры, строго говоря, не восстанавливают эмоциональный баланс, хотя могут способствовать этому.

В связи со сказанным выглядят несостоятельными попытки некоторых ученых и практиков обосновать необходимость внедрения «судей-компьютеров», когда электронная машина будет вершить правосудие, реализовывать нормы права, определять судьбы людей. Такие призывы выражают одну из крайних позиций материализма, напроочь отрицающего существование души, духовной, нематериальной жизни человека. «Мышление» компьютера сугубо формально и в принципе не может учитывать внутреннюю, нематериальную часть конкретного человека, ее реакции и состояния в конкретной ситуации. На это способно только одухотворенное существо, то есть человек.

Таким образом, юридическую ответственность можно представить как процесс применения уполномоченными органами и должностными лицами комплекса предусмотренных законом мер в отношении лица, совершившего правонарушение, необходимого для восстановления, нарушенного его совершением, внутреннего и внешнего баланса на индивидуальном, групповом и социальном уровнях.

Как потенциал, угроза применения наказания и иных мер в случае недолжного поведения индивида, юридическая ответственность постоянно воздействует на человека и общество. Круг ее субъектов в этом случае строго не определен. В этом заключается общепреventивная функция юридической ответственности. Например, люди знают или предполагают, что за незаконное завладение чужим имуществом им придется отвечать и понести наказание. Характерно то, что в подавляющем большинстве своем они не знают конкретной нормы УК или другого закона, разумеется, если речь идет не о профессиональных преступниках. В повседневной жизни человек гораздо чаще руководствуется не конкретными нормами права, а иными критериями, а также общим представлением о праве (каким он себе его представляет). Проведенное автором исследование механизма оценки людьми жизненных ситуаций свидетельствует, что основным мотивом, стимулирующим или тормозящим активные действия человека, является его личный интерес (выгода). Главным критерием выбора способа действий в текущей ситуации является прежний опыт поведения субъекта в аналогичных условиях, а при его отсутствии — опыт других людей. Третьим по значимости опрошенными назвали мораль, четвертым — здравый смысл. Оценка ситуации с позиций права заняла последнее место. Оговоримся, что речь идет о ситуациях, возникающих в повседневной жизни людей. И наконец, по нашим данным, люди предпочитают руководствоваться в своих действиях правовыми предписаниями.

ми по двум основным мотивам: 1) из-за страха перед возможным наказанием, когда степень вероятности его наступления высока; 2) когда следование праву облегчает решение стоящей задачи [12, с. 120–121]. Таким образом, общепрофилактическое значение юридической ответственности обусловлено страхом людей перед возможным наказанием за нарушение норм права.

В этой связи следует подчеркнуть значение юридической ответственности как средства поддержания соответствующего морально-психологического состояния (баланса) общества. Как правило, в сознании людей она ассоциируется с наказанием, страданием, карой. Это, в свою очередь, выступает катализатором эмоции страха как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Дозированно страх необходим как средство сдерживания вредных тенденций, состояний и действий людей. Но человек, пораженный страхом, превращается в раба, думающего только о своем самосохранении. Такое положение убивает творчество, блокирует жизненные силы, повышает агрессию и снижает конкурентоспособность общества в глобальном плане.

Подводя итог сказанному, сформулируем следующие выводы:

- в настоящее время доминирующей в национальной юриспруденции является точка зрения, согласно которой суть юридической ответственности заключается в обязанности правонарушителя претерпеть определенные негативные, карающие его последствия в связи с совершенным им правонарушением;
- концепция позитивной юридической ответственности в определенной степени оправданна как отражение социально-политических процессов в теории юриспруденции, в качестве вспомогательного познавательного направления. Однако в целом такой подход играет контрпродуктивную роль по причине возникновения неизбежного когнитивного диссонанса в сознании человека. Содержание этого термина, соединяющего в себе прошлое и будущее (перспективное и ретроспективное), должное и противоправное (позитивное и негативное) поведение и, соответственно, меры наказания и поощрения, изначально противоречиво и непоследовательно;

- при определении сущности юридической ответственности гуманистическая методология исходит из двух базовых положений: во-первых, из сущности права как такового, поскольку существование юридической ответственности есть неизбежное следствие существования правовых норм; во-вторых, из действия универсальных законов природы: 1) закона причинно-следственной связи; 2) закона всеобщего равновесия;

- принимая юридическую ответственность в качестве главного элемента механизма правового регулирования поведения человека и общества, приходим к выводу, что ее сутью, главной стратегической целью является восстановление баланса (равновесия), нарушенного в результате неправомерного поведения;

- с позиций гуманистической методологии человек и общество представляют собой системы, состоящие из материальной и нематериальной частей. Совершение любого правонарушения нарушает баланс обоих. Таким образом, юридическую ответственность можно представить как процесс применения уполномоченными органами и должностными лицами мер в отношении лица, совершившего правонарушение, необходимого для восстановления, нарушенного его совершением, внутреннего и внешнего баланса на индивидуальном, групповом и социальном уровнях;

- юридическая ответственность постоянно воздействует на человека и общество как потенциал, угроза применения наказания и иных мер в случае недолжного поведения индивида. В этом заключается ее общепреventивное значение;

- выглядят несостоятельными попытки некоторых ученых и практиков обосновать необходимость внедрения «судей-компьютеров», когда электронная машина будет вершить правосудие, реализовывать нормы права, выносить процессуальные решения. «Мышление» компьютера сугубо формально и в принципе не может учитывать внутреннюю, нематериальную часть конкретного человека и общества, ее реакции и состояния в конкретной ситуации. На это способно только одухотворенное существо, то есть человек.

Список использованных источников

1. Теоретические и практические проблемы юридической ответственности / А. Ф. Вишневский [и др.]; под ред. В. А. Кучинского. — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. — Гл. 1. — 327 с.
2. См.: Вишневский, А. Ф. Развитие учения о юридической ответственности в правовой мысли новейшего времени / А. Ф. Вишневский // Право и демократия : сб. науч. тр. — Минск, БГУ. — Вып. 27. — 360 с.
3. См.: Шиенок, В. П. О необходимости и путях изменения методологии современной юридической науки / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2011. — № 1. — С. 159–164.
4. См., например: Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности [Электронный ресурс] / Р. Л. Хачатуров // FictionBook.ru. — Режим доступа: https://fictionbook.ru/author/r_l_

hachaturrov/obshaya_teoriya_yuridicheskoyi_otvetstvennosti/read_online.html?page=13. — Дата доступа: 09.10.2019.

5. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский ; под общ. ред. А. Ф. Вишневского. — Минск : Тесей, 1998. — С. 457; Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник для студентов высших учеб. заведений по юрид. спец. / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский ; под общ. ред. В. А. Кучинского. — Минск : ИнтегралПолиграф, 2009. — С. 416.

6. Павлов, В. И. Проблемы теории государства и права / В. И. Павлов. — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2017. — 263 с.

7. Юридическая ответственность (позитивная) [Электронный ресурс] // Большой юрид. словарь. — Режим доступа: https://big_law.academic.ru/1547/%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%28%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F%29. — Дата доступа: 09.10.2019.

8. Слободчиков, Н. А. Проблема юридической ответственности [Электронный ресурс] / Н. А. Слободчиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2012. — № 2 (24). — Режим доступа: https://elib.amia.by/bitstream/docs/1473/1/181_2012_2.pdf. — Дата доступа: 09.10.2019.

9. См.: Шиенок, В. П. Гуманистическая методология и механизм правового регулирования поведения человека / В. П. Шиенок // Общество, право, личность. Методологические и прикладные проблемы: генезис, современность и будущее : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23—24 нояб. 2017 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол. : И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. — Вып. 6. — С. 19–20;

Шиенок, В. П. Гуманистическая методология и механизм правового регулирования поведения человека / В. П. Шиенок // Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18—20 апр. 2018 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. — Вып. 7. — С. 111–113.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 нояб. 2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

11. См.: Шиенок, В. П. Мироззренческие и иные проблемы создания новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография / В. П. Шиенок. — 2-е изд, испр. и доп. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. — 238 с.

12. См.: Шиенок, В. П. Методологические проблемы регулятивной функции права / В. П. Шиенок // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография / В. П. Шиенок. — 2-е изд, испр. и доп. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. — 238 с.

30.10.2019